

дискуссии XIX—XX вв. об отношениях церкви и государства.

Монография К. Мюлинга сразу обрела признание в научных кругах. Она была удостоена премии Франко-германского коллежа — крупнейшего научного центра, объединяющего более ста вузов Франции и Германии.

Согласно условиям получения премии, в течение года работа должна быть переведена на французский язык и опубликована во Франции.

А. В. Лазарева,
кандидат исторических наук,
доцент МГУ

С. В. Артамошин. КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. СПб.: изд-во «Владимир Даль», 2018, 415 с.

DOI: 10.31857/S013038640003821-1

Профессор кафедры всеобщей истории Брянского государственного университета д.и.н. С. В. Артамошин известен научному сообществу работами по истории консервативной революции в Германии — феномена, возникшего в годы Веймарской республики и сыгравшего значительную роль в период нацизма¹. В новом исследовании С. В. Артамошин показывает консервативную революцию как уникальный и поучительный интеллектуальный феномен.

Открывает книгу небольшое по объему (23 страницы), но профессионально написанное введение, из которого видна и степень изученности проблемы, и лакуны в ее осмыслении.

Далее следуют шесть глав. Первая — «Кризис германского консерватизма» включает два параграфа. Автор существенно выходит за тематические рамки главы и основное внимание уделяет не столько кризису консервативной мысли конца XIX — первых лет XX в., сколько идейным поискам немецких интеллектуалов, прежде всего, К. Шмитта и А. Мёллера ван ден Брука. Первый в стремлении преодолеть идейный кризис консервативной мысли обратился к творчеству испанского католического мыслителя первой половины XIX в. Х. Доносо Кортеса (с. 54—59). Идеи испанца позволили К. Шмитту создать свое учение о государстве и сформировать идейную структуру консервативной революции. Более того, именно католицизм в его кортесовском осмыслении стал для Шмитта той духовной силой, которая в 1920-е годы смогла противостоять модернистским тенденциям и по-

служить основой для политической консолидации единомышленников (с. 67).

С. В. Артамошин на примере А. Мёллера ван ден Брука показывает кардинальное отличие германского консерватизма XIX в. от нарождающегося нового консерватизма начала XX в. — не вступать в политические компромиссы и не обороняться, а действовать (с. 76—77). Ведь именно активность позволяла не только противостоять открытым политическим противникам, но и перехватывать инициативу у оппонентов из лагеря консерваторов.

В двух параграфах второй главы «Великая война как духовный феномен современности» автор рассматривает место и роль Первой мировой войны как структурного, внешнего аспекта формирования консервативных революционеров. Центральное место в его повествовании занял фронтовик Э. Юнгер. Он для автора книги подлинный «сейсмограф войны», интеллектуал, сумевший показать «опыт войны» через тип и образ солдата (с. 100). А этот образ, в свою очередь, выводил на идею фронтового братства. В итоге возникло идейное единство, сформировавшее поколение войны. Его ряды, как подчеркивается в исследовании, представляли люди, остро осознающие «национальные потребности германского народа», стремящиеся «к решению национальных задач» и принесшие «в мирную Германию энергию деятельности, готовность и способность действовать» (с. 121).

В третьей главе «Структура интеллектуального течения консервативной революции: люди, организации, издания» историк в первом параграфе раскрывает особенности биографий ведущих представителей консервативной революции (О. Шпенглера, Э. Юнгера, А. Мёллера ван ден Брука, К. Шмитта, Э. Ю. Юнга, Э. Никиша), во втором показывает организационную структуру этого движения. Отметим замечание автора об общности происхождения подавляющего большинства рассматриваемых правых интеллекту-

¹ Артамошин С. В. Идейные истоки национал-социализма. Брянск, 2002; *его же*. «Теолог юриспруденции»: католический консерватизм К. Шмитта в поисках духовной преемственности. — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, вып. 32, 2010; *его же*. Артур Мёллер ван ден Брук. — Вопросы истории, 2012, № 5; *его же*. Карл Шмитт: исторический портрет. — Вопросы истории, 2014, № 2.

алов — все они жители небольших немецких городов, выходцы из семей старого среднего класса (с. 123). Именно этим обстоятельством автор объясняет одну из общих черт их идей — неприятие большого индустриального города, как единого организма, и крупной буржуазии как главного социального слоя в этом урбанизированном мире.

Рассказывая об организационной структуре движения консервативной революции, автор обращает внимание читателей на три аспекта. Первый — ведущей формой объединения правых мыслителей стали политические клубы, созданные в 1918 г. в противовес революционным Советам рабочих и солдат. Второй — в их оформлении и идейном наполнении первое время ведущую роль играло неприятие большевизма как деструктивной силы, стремившейся к разрушению и развязыванию гражданской войны (с. 152). Третий — подписание Версальского договора республиканскими властями Германии породило еще один клуб — Иуньский, который, как показано в книге, на основе неприятия нового миропорядка и критического отношения к Веймарской республике сумел объединить представителей многих партий и движений правого политического спектра. Именно Иуньский клуб немало поспособствовал распространению идей консервативной революции вкупе с дискредитацией либерально-демократической и социалистической идеологии, и, что важно, смог «установить связь с молодым поколением, придерживающимся националистических позиций по отношению к Веймарской системе» (с. 159).

Самой объемной в монографии является четвертая глава «Мировоззренческие основы консервативной революции». С. В. Артамошин концентрируется на идейных принципах рассматриваемого феномена — национализме, идее государства, критике либерализма и немецкого социализма. Каждому вопросу посвящен отдельный параграф. Поскольку эти четыре базовых принципа у разных консервативных интеллектуалов раскрыты с разной глубиной, автор монографии в каждом случае обращается к творчеству тех, кто тот или иной сюжет рассмотрел наиболее обстоятельно. Так, понимание консервативными революционерами национализма автор показывает по работам А. Мёллера ван ден Брука, Э. Юнгера и Х. Фрайера, идею государства — по сочинениям К. Шмитта, особенности критики либерализма как основы Веймарской республики — по трудам А. Мёллера ван ден Брука, Э. Юнгера и К. Шмитта, а идеи немецкого социализма — по публикациям О. Шпенглера, А. Мёллера ван ден Брука и Э. Юнгера. Из всех базовых принципов всесторонне показан национализм. Во втором параграфе

четвертой главы, посвященном государству и политике в проектах консервативных революционеров, обращает внимание раскрытие шмиттовской модели «друг — враг», в которой понимание врага позволяло политическому субъекту понять самого себя, а противостояние «друга и врага» становилось сущностью политики как таковой (с. 224 — 225).

Пятая глава «Консервативная революция в борьбе против Веймарской системы» включает три параграфа. В первом показана критика правыми интеллектуалами германской республики, во втором — их борьба против Версальской системы, в третьем — отношение к большевизму. В этой части наиболее интересны страницы об отражении в зеркале консервативной революции российского опыта. Как отмечает автор, некоторые правые мыслители на волне неприятия Версальской системы стали склоняться к мысли о сближении Берлина с Москвой. В основании этих теорий лежали геополитические изыскания Х. Макиндера и К. Хаусхофера, а также идеи национал-большевизма. Из представителей последнего С. В. Артамошин отмечает Э. Никиша. Этот идеолог, вычленив в большевизме антилиберализм и антииндивидуализм, немало потрудились для привлечения внимания консервативных революционеров к опыту России (с. 345—347, 361). А. Мёллер ван ден Брук разглядел в большевизме исключительно национальное, русское явление (с. 352). С ним солидаризировался Э. Юнгер, который разделял немецкий и русский коммунизм (с. 360). Этот фронтовик и интеллектуал, как и Э. Никиш, большое внимание уделял пятилеткам и мобилизационной экономике СССР (с. 362).

Завершает монографию глава «Консервативная революция и национал-социализм». В трех параграфах этой части работы С. В. Артамошин показывает идейные основы нацизма, особенности отношения консервативной революции к этому движению, а также судьбу ее представителей в Третьем рейхе. По словам автора книги, консервативные революционеры осторожно относились к нацистам все годы Веймарской республики и ясно осознали сущность гитлеризма: «В 1933 г. произошла национальная революция в духе идей консервативной революции, а в реальности к власти пришли плебеи. Многие представители консервативной революции поняли это в первый год гитлеровской диктатуры и, не желая бороться с нацистской системой, ушли во внутреннюю эмиграцию» (с. 406). В Третьем рейхе «для деятелей консервативной революции не было места» (с. 413).

Книга С. В. Артамошина вызывает желание вступить с автором в полемику по некоторым вопросам. Рецензентам сложно полностью при-

нять один из основных посылов автора монографии, который сформулирован в конце шестой главы: никто из консервативных революционеров «не был причастен преступлениям режима» Гитлера. «Подчинять консервативную революцию нацизму и превращать ее в сообщника нацизма совершенно недопустимо. Консервативная революция стремилась к созданию немецкого национального государства, а не расовой нацистской народной общности» (с. 406).

Не упрощая проблемы отношений между консервативной революцией как интеллектуальным течением и нацизмом, мы хотим подчеркнуть, что именно консервативные революционеры — эти талантливые и целеустремленные натуры — немало потрудились, чтобы в немецком обществе базовыми стали антидемократические, антилиберальные, антимарксистские, антисемитские, националистические и шовинистические ценности, а также идея фюрерства. Эта матрица сработала в кризисные 1930-е годы, когда многие немцы стремительно прошли путь от идей революционного консерватизма к национал-социализму, даже не заметив принципиальности своего перехода. Кроме того, С. В. Артамошин, выдвигая оспариваемый рецензентами тезис, отчасти противоречит сам себе. Ведь на страницах его книги приведены многочисленные факты взаимодействия консервативных революционеров с нацистами и подчеркивается тот факт, что вызванная ими «революция способствовала духовному разрушению веймарской системы» (с. 413). Поэтому они были если не прямыми сообщниками гитлеровцев, то, по меньшей мере, их попутчиками.

В монографии детально представлен созданный Э. Юнгером миф солдата, который сформировался после Великой войны (с. 100). С. В. Артамошин видит его идентичным образу воина, представленному в произведениях братьев Юнгеров и их единомышленников. Однако понятия «солдат» («der Soldat») и «воин» («der Krieger») не равнозначны. У солдата есть командир; солдат всегда действует по приказу. Юнгер называл солдатами чаще всего именно простых военнослужащих. Воинами же являются не только солдаты, но и офицеры, все, кто имеет отношение к военному делу. При этом воины всегда выступают участниками военных действий. Если солдат представляет собой скорее функцию, то воин характеризует метод действий. В этой связи напомним, что, как удачно показано в рассматриваемой книге, юнгеровский герой — это воин, который не может только критиковать или выполнять приказ, он должен действовать, причем инициативно.

В книге С. В. Артамошина приведены интересные факты об открытости консервативных революционеров левым идеям. В частно-

сти, о знакомстве К. Шмитта с В. Бенямином (с. 140). Однако идейная основа близости этих двух мыслителей осталась не раскрытой.

Остается сожалеть, что С. В. Артамошин при подготовке книги не использовал труды тамбовчанина В.Г. Баева и ученика пермяка П. Ю. Рахшмира С. О. Казакова². Обращение к этим работам, несомненно, помогло бы высветить новые грани изучаемой проблемы.

Отмеченные замечания не снижают общего благоприятного впечатления от книги С. В. Артамошина, которая в значительной степени закрывает имевшуюся в российской историографии лакуну в изучении консервативной революции. Монография, несомненно, найдет своего заинтересованного читателя.

Д. А. Смирнов,
доктор исторических наук,
профессор Ивановского
государственного университета

В. Л. Черноперов,
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой всеобщей истории
и международных отношений Ивановского
государственного университета

² Баев В. Г. Германский конституционализм (конец XVIII — первая треть XX в.). Историко-правовое исследование. Тамбов, 2007; его же. Правовед Карл Шмитт в политике Веймарской Германии (1919—1933). — Российский журнал правовых исследований, 2016, № 3; Казаков С. О. Консервативный транзит Эрнста Юнгера. (Автореферат канд. дисс.). Пермь, 2012; его же. Эрнст Юнгер в XXI веке. — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, вып. 38, 2012.